

Проблема моральной обязательности у Юма

Тезисы доклада

К проблеме моральной обязательности как она раскрывается в этике Юма возможны два подхода.

Один, условно говоря, *юмоведческий*, т.е. сфокусированный на Юме, исходящий из Юма. При таком подходе исследователь непосредственно опирается в Юма – в его предположения, суждения и обобщения, касающиеся обязанности вообще и моральной, в частности.

И тут, скорее всего, откроется, что выставленная в названии формулировка неточна, и неточна вдвойне. Главным образом, стилистически. Юм различает природные (*natural*) и моральные обязанности, так что говорить о «природе моральной обязанности» в общем некорректно к отношению к строю Юмовой мысли и Юмова слога. Да и слово «обязательность», скорее резонирует русскому переводу, в смысловом отношении в общем и целом точному. Так что речь идет о существенных характеристиках «обязательности» у Юма. Принимая во внимание различие Юмом естественных и моральных обязанностей, лучше видеть возможность более широкой постановки вопроса – о сущности *понудительной силы к поступкам*. Рассмотрение проблематики ‘понудительной силы’ у Юма целесообразно в соотнесении с контекстом, задаваемым «принципом Юма»; в особенности в понимании «естественной обязательности».

Для русскоязычного читателя юмоведческий подход усугубляется переводом. Я говорю: «усугубляется», имея в виду часто встречающиеся нечеткость выражения и логики у самого Юма. К тому же надо иметь в виду, что у него нередко «*duty*» выступает синонимом «*morality*». А однажды и «*obligation*» выступает в таком качестве; но тогда в русском оно переведено слово «долг»: «Пусть нам будут точно указаны те отношения, к которым сводятся нравственность или долг [*obligation*], чтобы мы знали, в чем состоят последние и как мы должны (*must*) о них судить. Если вы утверждаете, что порок и добродетель»¹. Для русского читателя данный фрагмент содержит явные подводные камни: модальный глагол «*must*» действительно означает «должен». Но «должен»-*must* этически весьма не специфично.

У Юма нередко слова «*duty*» и «*obligation*» оказываются взаимозамещаемыми. Но в русском дело обстоит хуже: то и дело словами «долг», «обязательство», «обязанность» переводится «*obligation*». Юм использует два слова «*duty*» и «*obligation*» («*commitment*» как аналог русского «обязательство» им не используется вовсе). При этом в Предметном указателе русского издания выделены отдельные рубрики для «обязанность» и «обязательство»; – что, как очевидно, никак не коррелирует с действительным категориальным составом моральной философии Юма.

¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе / Пер. с англ. С.И. Церетели // Юм Д. Соч. в 2 т. Т. I / Вступ. ст. А.Ф. Грязнова; примеч. И.С. Нарского. 2-е изд., дополн. и испр. М.: Мысль, 1996. С. 505.

Характерным в плане непоследовательности отдельных мест русского перевода служит следующий фрагмент «Трактата о человеческой природе», в котором переводчик довольно вольно обходится с терминами: «Ни одного поступка нельзя требовать от нас в качестве нашей обязанности (duty), если человеческой природе не присущ какой-нибудь побуждающий аффект или мотив, способный породить этот поступок. Таким мотивом не может быть чувство долга (duty). Чувство долга (duty) предполагает предшествующее ему обязательство (obligation)»². Допускаю, что перед переводчиком стоит задача перевода не терминов, а мысли. Но предпринимаемые переводчиком терминологические «уточнения», должны быть если не пояснены, то хотя бы указаны показом слов в оригинале. В данном же случае, как и в ряде других, создается впечатление явного переводческого произвола.

Дезориентированность русского читателя «Трактата» только усилится от того, что слово «должное» используется в паре с «недолжное» для перевода «right» и «wrong», при том, что эта категориальная пара, весьма важная для морально-философского рассуждения и обычно разным образом теряемая в русских переводах с английского, пару-тройку раз переводится адекватно: «правое» и «направое» (хотя точнее, возможно, было бы «правильное» и «неправильное»).

Важно принять во внимание, что в известном пассаже с так называемом «принципом Юма», который для русского читателя предстает в виде проблемы соотношения существующего и должного, «связке is» Юм противопоставляет «связку ought», т.е. и здесь слово «должно» *не должно* непосредственно ассоциироваться с этически должным.

Иными словами, такой в целом неплохой (по сравнению с переводами произведений других мыслителей той эпохи) перевод «Трактата» Юма, который мы имеем, сам по себе оказывается фактором фальсификации юмовской мысли.

Другой подход к рассмотрению заглавной темы я бы назвал *теоретическим*. При таком подходе не Юм оказывается точкой отсчета, а общий теоретический вопрос: как возможна (=какова природа) понудительность моральных представлений? Я опять употребляю слово «понудительность», чтобы не употребить слова «долженствование», «императивность», «нормативность», и слово «представлений», чтобы не употребить слова «императивы» или «нормы», или «требования». Эти, не использованные сейчас, слова нуждаются в прояснении. Этой проясненности в этике нет.

О чем же Юм говорит и чем он может нам помочь в прояснении природы и механизмов долженствования (обязательности, понудительности)?

1) По Юму, в основе обязанностей лежат склонность и интерес. Обязанности *не выражают* склонность и интерес, но соответствуют им.

Развернуто Юм показывает это на примере обязательности обещаний. Юм неоднократно подчеркивает: обязанность обусловлена обещанием. Обещание возникает в результате соглашения (явного или предполагаемого), т.е. на основе определенного рода отношений между людьми, специально установленных и поддерживаемых. В основе соглашений лежит личный интерес каждого из участников соглашения, а вместе с тем, и «нужды и интересы общества»³. Фактом соглашения предопределяется особый режим отношений между людьми, по которому они оказывают друг другу услуги в уверенности на взаимность и с

² Юм Д. Трактат о человеческой природе // Указ. изд. С. 558. Здесь и далее указания слов оригинала произведены мною.

³ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Указ. изд. С. 559.

пониманием того, что нарушение соглашения чревато предустановленным наказанием. Здесь возникает своеобразная взаимность, которая основана на частных интересах⁴, утверждается соглашениями, выражается в «известных символах и знаках»⁵, подкрепляется опытом практического взаимодействия между людьми. К этому опыту присоединяется моральное чувство, которое, с одной стороны, подкрепляет частный интерес, а с другой, вбирает в себя его содержание и «приобретает в глазах человечества значение нового обязательства»⁶. Соблюдению обещаний содействуют также «общественный интерес, воспитание и искусство политиков»⁷. Юм, таким образом, показывает множественность факторов обязательности обещаний: они обусловлены соглашениями, соглашения заключаются с целью удовлетворения частных интересов и в своей совокупности содействуют интересам общества, которое поддерживает систему соглашений продуцируя одобрение обязательности и порицания необязательности. Все социальные устройства находят подкрепление в моральном чувстве; способность же к симпатии обеспечивает тот минимум взаимопонимания, который необходим для заключения соглашений⁸.

Обязанности человека, вытекающие из обещаний носят искусственный характер. Можно добавить: они социально обусловлены. Другое дело обязанности, связанные с «нежными аффектами» – великодушием, человеколюбием, состраданием, благодарностью, дружбой, верностью, усердием, бескорыстием, щедростью и т.п. качествами, которые, как говорил Юм, «составляют характерные черты доброты и благожелательности»⁹. По Юму, они

⁴ В русском переводе используемое Юмом слово «interested» передается словом «корыстный» (См. Там же. С. 561), которое нельзя признать удачным, принимая во внимание его традиционные коннотации: алчный, жадный к поживе. Такой перевод лишь отчасти оправдывается употреблением Юмом слова «commerce» в значении общения. Ведь тут же Юм говорит о «disinterested commerce», имея в виду благожелательное, незаинтересованное общение. Если для последнего вполне уместно определение «бескорыстный», то первое лучше передавать выражением взаимовыгодные отношения. Можно допустить, что Юм таким образом говорит об утилитарной (основанной на частном интересе) и альтруистической морали.

⁵ Там же. С. 562.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 562. Взятый сам по себе, этот тезис довольно близок тому, на чем настаивал Б. Мандевилль, утверждавший, что добродетель и порок суть представления, выдуманные политиками и воспитателями. Не соглашаясь с Мандевилем, Юм указывал, что даже если одобрение и порицание, добродетель и порок и были придуманы политиками и воспитателями в целях обслуживания политических режимов, они не имели бы никакой силы, не будь у людей изначального морального чувства, восприимчивого к одобрению и порицанию, не будь они способны воспринимать пользу и вред общества и других людей, как свои собственные (Там же. С. 615–616).

⁸ Прав в целом Д.Ф. Нортон, по разным поводам указывающий на недостаточную удовлетворительность юмовских объяснений того, как действует мораль. Однако его претензия к теории обещаний Юма не совсем справедлива (См. *Norton D.F. The Foundations of Morality in Hume's «Treatise» // The Cambridge Companion to Hume / 2nd ed. Eds. D.F. Norton, J. Taylor. Cambridge: Cambridge U.P., 2009. P. 303–304*). В рамках своей антропологии Юм вполне последователен в описании механизма действенности системы взаимных обязательств и обещаний. Если что и может вызывать неудовлетворение, так это само учение Юма о природе человека, относительно чего Нортон и отмечает, что у Юма природа оказывается предельным пунктом, дальше которого его объяснения не двигаются (*Norton D.F. Op. cit. P. 285*).

⁹ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Указ. изд. С. 639.

формируются в детстве, в семье, где дети получают изначальный опыт общения и общественной жизни. Юм признает, что обязанности, связанные с нежными аффектами, чрезвычайно слабы.

2) Юм говорит о двух типах обязанностей – о *естественной*, выражающей интерес (практический или возвышенный) и *моральной*, или чувствовании правого и неправого»¹⁰. Вообще, мораль в представлении Юма двойственна по своей природе. Это отражается в его учении о естественных и искусственных добродетелях, но не только. Не так отчетливо, но Юм говорит и о *двойственности моральных импульсов, двойственности моральной обязательности*. Проблема источника морали в ее естественной части раскрыта Юмом недостаточно. Он лишь постулирует природную способность человека к симпатии, его склонность содействовать благу других людей постольку, поскольку их беды оказываются предпосылкой их страданий, что, соответственно, отзывается неудовольствием в душе человека. Но по-другому, как мы видели, строится рассуждение относительно морали в ее искусственной части.

3) Моральная обязанность, вытекающая из соглашений, проявляется через чувство правого и неправого. Соглашения, изначально заключенные *ради интереса*, по самому своему факту получают моральную санкцию. Эта санкция подкрепляется моральным чувством. Благодаря моральной санкции соглашения начинают восприниматься как значимые сами по себе. Соглашения самим своим наличием детерминируют определенные действия людей. В основе этой детерминации лежат уже не изначальные частные интересы, а ценность соблюдения соглашений как таковая. Соответственно, поддержание общественного порядка воспринимается как добродетель, а его нарушение – как порок.

4) Обязанность благодарности – другой этиологии. Благодарность возникает в отношениях, в которых нет места соглашениям. По Юму, благодарность может совершаться как реализация чувства благодарности. Но в отсутствие чувства акты благодарности могут совершаться из чувства удовольствия, которое испытывает человек, сознавая, что совершил правильно: «Человек, в действительности не чувствующий благодарности, испытывает удовольствие при совершении актов благодарности и думает, что таким образом он исполнил свой долг»¹¹. Или же благодаря симпатии человек чувствует, что благодарность приятна другому, и предпринимает усилия для содействия приятности другого. За этим лежит антропологическая закономерность, заключающаяся в том, что осознание способности кого-то содействовать приятности и полезности другого лица вызывает удовольствие (как и осознание способности содействовать собственной приятности и собственной полезности)¹². Эта закономерность Юмом просто фиксируется (постулируется) и никак не объясняется.

5) «Принцип Юма». Предпринятое разъяснение природы обязательности показывает необоснованность распространенной интерпретации так называемого «принципа Юма»¹³, согласно которой императивные высказывания не выводимы из дескриптивных высказываний. А. Макинтайр в своем рассмотрении

¹⁰ Там же. С. 539. Юм говорит об «obligation». В русском же переводе данного фрагмента непостижимым образом в одном случае употреблено слово «обязанность», а в другом – «обязательство».

¹¹ Там же. С. 520.

¹² Там же. С. 627.

¹³ Там же. С. 510–511.

обоснованно переводит разговор на грамматическую форму высказываний: одно дело грамматическая форма, другое – этическое содержание. У Юма, сориентированного на феноменалистское представление морали довольно-таки (в особенности в кн. 2) рассуждений, облеченных в дескриптивную форму, но определенно императивных по своему этическому содержанию.

Показателен в этом плане пример: «Ваша рожь поспела сегодня; моя будет готова завтра; для нас обоих выгодно, чтобы я работал с вами сегодня и чтобы вы помогли мне завтра. Но у меня нет расположения к вам, и я знаю, что вы также мало расположены ко мне. Поэтому ради вас я не возьму на себя лишней работы, а если бы я стал помогать вам ради себя самого в ожидании ответной услуги, то меня, скорее всего, постигло бы разочарование и я напрасно стал бы рассчитывать на вашу благодарность. Итак, я предоставляю вам работать в одиночку; вы отвечаете мне тем же; погода меняется; и мы оба лишаемся урожая вследствие недостатка во взаимном доверии и невозможности рассчитывать друг на друга»¹⁴.

Таким образом, по Юму, моральные (в современном смысле слова) обязанности человека в своем генезисе связаны с его интересами как частного, коммуницирующего и социального существа, хотя, как выше было сказано, обязанности не сводятся к интересам и не исчерпываются ими.

Юм говорит о «знаках и символах», которыми становятся поступки людей. Но эта символичность – как можно судить по тексту – носит у Юма во многом ситуативный характер. Он не прослеживает существование этих «знаков и символов» до их бытия в культуре, до их функционирования в качестве самостоятельных «сущностей», задающих, в свою очередь, способы мышления и соответствующего поведения людей, *независимо* от воспитания и политического манипулирования.

Поздняя этика начинает мыслить в категориях таких, оторвавшихся от своей материальной основы, моральных форм. И нередко уже не замечает этой материальной основы. Таков Кант, представляющий моральное мышление не только в таком «чистом» виде, но и одностороннем виде – как мышление, производимое автономным моральным сознанием, практически в своей единственности.

Юм не додумал свое рассуждение о морали до вывода о моральном сознании как вещи в самой себе. Но он еще чувствует, видит и понимает практическую основу того, что может быть понято как моральное сознание. И потому жизненнее в своем представлении морали.

¹⁴ Там же. С. 560.